

МУХАММ ХУСЕЙН

Михаил Арцыбашев

Деревянный чурбан

I

Ни один листик не шевелился кругом, а их были миллиарды, и каждый был насквозь пронизан светом и теплом. Под ногами шуршали жесткие иглы травы, пробившейся сквозь многолетнюю сухую листву, по которой мягко и странно было идти, точно под нею были упругие и сильные пружины. Пахло листвою, мохом и грибной сыростью. Впереди, позади, по сторонам был лес — зеленое море листьев, веток, мхов, могучих стволов, — и золотым дождем сеялись повсюду солнечные лучи, как будто звучащие какой-то неслышимой, благодатной музыкой. Кругом же было тихо торжественной, таинственной тишиной, и тишине этой не мешали далекое звонкое кукованье кукушки, чуть слышный стук дятла, долетавший откуда-то снизу, из невидимого в чаще глубокого сырого оврага, и непрерывное дружное рабочее гудение миллионов насекомых, ползавших, скакавших и летавших в траве, по деревьям, на освещенных ярким солнцем и отблеском голубого неба полянах.

Жизнь крепкая и упорная, как рост векового дуба, была вокруг, и от каждого едва видного жучка, хлопотливо ползущего куда-то вверх по стеблю, веяло твердым знанием чего-то своего — мудрого, серьезного и нужного.

Политический ссыльный, студент Веригин, еще очень молодой человек, с сухими и широкими плечами, за которыми торчало тонкое дуло ружья, в высоких сапогах и полинялой розовой рубашке, один шел по лесу, широко шагая, приглядываясь и прислушиваясь ко всему.

Из-под старой студенческой фуражки курчавились светлые и жесткие волосы, серые глаза смотрели уверенно и прямо, но по тому, как пристально он всматривался в зеленую чащу и как старался не сбиться с едва намеченной тропки, местами совсем пропадавшей в кустах, было видно, что в лесу он человек новый, не знает его и бессознательно боится этой зеленой глубины.

Прошло всего часа два, как он вышел из поселка, и по расчету не мог уйти больше семи-восьми верст, а уже казалось, что на тысячу миль кругом нет ни единой человеческой души и везде только один этот зеленый таинственный лес, своей жизнью живущий, свою тайну ведающий, старый как мир.

На опушке большой поляны Веригин остановился.

Здесь было так много солнца и трава была такая яркая, что глазам и радостно, и больно было глядеть. Из густой сочной зелени смотрели тысячи голубеньких, синих, красных и желтых цветов, над ними танцевали, точно ошалев от солнца и тепла, белые бабочки, а вверху открывалась необозримая глубина сверкающего и тающего неба, по которому ослепительно белые и кудрявые на развернутых парусах легко плыли далекие счастливые облака. Тропинка точно утонула в этой зеленой благодати, а на той стороне той же сплошной стеной стоял темный перепутанный, казалось, непроходимый лес и тысячами зеленых глаз внимательно и жутко смотрел на одинокого человека, неожиданно появившегося в его царстве.

— Черт его разберет, где там это дурацкое озеро! — с досадой сказал Веригин. — Поляну-то я нашел, а где тот «корявый» дуб, черт его знает... Все дубы корявые!

Он решил отдохнуть и осмотреться. Перед выходом из дому он закусил, но от быстрой ходьбы и крепкого лесного воздуха ему уже опять захотелось есть.

— Надо подзакусить, а там видно будет! — решил он.

Трава была мягкая и душистая; свежестью охватило его слегка вспотевшее мускулистое тело, и Веригину захотелось лечь на спину и растянуться так, чтобы каждым атомом своего существа впитывать в себя тепло и свежесть этой удивительной первобытной земли.

В сумке у него была вареная колбаса и черный хлеб. Хлеба было много, и потому он старался откусывать колбасы поменьше, заедая огромными кусками мягкого, вкусного, пахучего хлеба, но не удержался и съел всю колбасу, даже со шкурой, которая показалась ему удивительно вкусной.

Потом он снял сумку, поставил ружье к дереву и растянулся в траве. И сразу исчез лес, кругом встала такая странная вблизи трава, а вверху развернулась синева неба с застывшим на ней круглым, белым, как кипень, облаком. Внизу у корней трава казалась дремучим тропическим лесом, и почти на каждой травинке ползали или важно сидели какие-то козявки, а один толстенький красненький жучок, свесившись на самом конце стебелька, в упор рассматривал Веригина маленькими, как точки, непонятными черными глазками. Изредка, ныряя в воздухе, точно уносимая ветром, проносилась над ним легкая белая бабочка и снизу казалась прозрачной и желтой.

Веригин лег на спину, раскинул руки и ноги, будто в самом деле хотел захватить побольше земли, и закрыл глаза, сразу погрузившись в какой-то светлый золотистый мрак и тихую, гудящую и жужжащую музыку. Веки закрытых глаз сами собой трепетали под теплым светом, от кончиков ног по спине до затылка тянулась и обволакивала все тело сладкая, ленивая истома, а в ушах непрерывно стояла эта музыка и то сливалась в одну густую дрожащую, точно медом налитую ноту, то распадалась на целый хор каких-то потрескивающих, позванивающих и шепчущих звуков. Иногда над самым ухом что-то заводило свою особливую песенку, и тогда казалось, что кто-то подкрался к нему, смотрит из-за густой травы зелеными лесными глазами и говорит что-то одно и то же, очень важное, и серьезное, на своем непонятном, нечеловеческом языке.

Веригин невольно открыл глаза, но никого не было кругом: зеленая трава тихо шевелилась на синем небе, и красный жучок как зачарованный неподвижно смотрел на него черными глазками. Веригин невольно улыбнулся ему: у забавного жучка был такой загадочный вид, точно это именно он, когда Веригин закрывал глаза, превращался в лесного человечка и рассказывал, и доказывал ему что-то. Веригин хотел тронуть его пальцем, но лень было пошевелить рукой, и он закрыл глаза.

Какие-то ленивые и смутные мысли наплывали и тянулись в голове без конца.

«Лес, лес... — машинально думал Веригин, — в конце концов, и в самом деле все-чепуха, а самое главное, единственно нужное, это-лес, земля, небо и солнце!.. Лес!.. Кто это, в самом деле, говорит?.. Вот так близко, прямо-таки в самое ухо, отчетливо так!.. Кажется, прислушаться получше и поймешь что-то. Это тот жучок превратился в маленького лесного человечка, в смешном, круглом красном сюртучке, и рассказывает... У него, должно быть, круглая маленькая головка и забавная серьезная мордочка с черными глазками... Лес!.. Отчего это каждый человек, как только попадает в лес или поле, начинает думать и говорить, что вся его жизнь была ошибкой и настоящее счастье только здесь, среди природы, в простом, немудрствующем существовании?... И ведь каждый знает, что не проживет здесь и трех дней!.. Проклинаем культуру, ругаем людей, а сами жить без них не можем!.. Странно,

есть тут какое-то недоразумение!.. Ведь вот так ясно чувствуешь, что счастье где-то здесь близко, а поймать его не можешь. И поймаешь, а не удержишь, и скучно, и тянет к людям, городам, борьбе!.. Нет, мы забыли секрет этой простой растительной жизни!.. А этот смешной лесной человечек, притворяющийся жучком, должно быть, знает и силится мне рассказать, только я не могу понять его. Вот, опять!.. Ну, громче, громче!.. Не так быстро, отчетливее!.. Нет, не поймешь!.. Фу, лень какая!.. Так бы и заснул!.. А дело все в том, что надо верить, будто это страшно важно, что солнце светит, что трава растет, жучок сидит... Ведь мы как?.. Мы думаем, что природа-это только дачное удовольствие, и когда смотрим на какую-нибудь козявку, то уверены, что нам до нее, в сущности, никакого дела нет!.. Мы, эгоисты, углубились в свое человеческое, а природу только снисходительно допускаем!..»

Веригин вдруг вспомнил, как однажды, попав в монашеский скит в самый разгар революции, спрашивал старого почтенного монаха:

— И газет вы не читаете?

— Нет.

— Неужели вам не интересно знать, что делается на свете?

— Что же там делается... Мы знаем вот, что солнце светит! — неожиданно веско и спокойно ответил монах.

«А остальное не важно? — подумал Веригин. — Нет, важно!.. Нельзя же спокойно наслаждаться чистым воздухом, когда знаешь, что кругом люди задыхаются, голодают, борются за кусок хлеба, за сносное человеческое существование!.. Человек не имеет права... Какого права?.. О чем это я?..»

Жучок, совсем уже не скрывая, что он не жучок, а лесной человечек в круглом красном фрачке, важно и с пафосом заговорил что-то о пролетариате... Дятел где-то близко застучал в барабан...

— Задремал! — громко сказал Веригин и открыл глаза. Жучок по-прежнему сидел на своем стебельке, кругом шелестела трава, облако вверху исчезло, и бездонная, чистая и ясная синева смотрела на Веригина.

«Нет, надо идти, а то тут заснешь!» — подумал Веригин и встал, с сожалением расставаясь с томной ленью, проникшей все тело от нагретой мягкой земли.

Опять развернулась перед ним поляна, трава опустилась, красный жучок потерялся в ней, и Веригин уже не мог найти его. Впереди опять встал запутанный, стена стеною, лес.

— Идти... А куда?.. Где этот дуб проклятый?

И в ту же минуту Веригин увидел его: там, где полянка острым клином убегала в чащу, на самой опушке стоял приземистый, весь обросший мхом и липами, старик дуб, с корявыми руками, запущенными во все стороны в зелень, точно крючковатые пальцы в густую взлохмаченную зеленую бороду. Толстый ствол его, весь в ранах, чернел дуплом, и солнечные пятна тихо скользили по нему вверх и вниз.

Веригин подобрал сумку, вскинул на плечо ружье и отдохнувшими легкими ногами зашагал через поляну. Трава путалась у колен, и сотни зеленых кузнечиков и каких-то белых букашек брызгали из-под ног во все стороны.

— Сколько их! — удивился Веригин, и ему даже как-то страшно стало, что столько живых существ, таких микроскопических, живут совсем помимо человека, нисколько не интересуясь им и не нуждаясь в нем.

Он обошел старый дуб, похожий на древнего косматого лешего, выбрал направление и опять углубился в чащу, шагая по мягкой, пружинящейся сухой листве. Должно быть, местами под нею были ямы и палые деревья, потому что почва предательски колыхалась под ногами.

Какая-то серо-желтая змея с тихим, предостерегающим свистом заскользила в сторону от него и долго, без оглядки, ползла на виду, пока не скрылась за деревьями... Коршун неожиданно сорвался с вершины и камнем полетел к оврагу, жестко хлопая по веткам твердыми крыльями...

II

Лес то сгущался сплошной стеной, то быстро разбежался по сторонам, открывая зеленые веселые лужайки, и наконец на одной из них Веригин увидел человеческое жилье.

Это была землянка, крытая мхом, с вросшей в землю крышей, под которой, над грубо сколоченной низенькой дверью, висели гирляндами какие-то красные, синие и белые тряпки, придавая ей странный и дикий вид.

Вся полянка была так покрыта цветами, что травы не было видно, и лежал кругом только узорчатый, пестрый, душистый ковер. По всем направлениям, тяжело гудя, носились здесь пчелы и густо пахло теплым медом.

В первую минуту Веригину показалось, что тут никого нет, кроме пчел, цветов и деревьев, и он уже хотел подойти, как что-то белое зашевелилось и поднялось над травой так неожиданно, что он даже вздрогнул.

Приземистый, мохнатый, весь в волосах, стоял на поляне, среди цветов, какой-то старик.

Лица его Веригин сначала совсем не разобрал, так оно заросло, но потом рассмотрел темно-коричневое, все с кулачок, старческое личико, с седыми нависшими бровями и маленькими, острыми, как буравчики, глазками. Одет старик был во что-то белое, будто длинная женская рубаха, с нашитыми на ней красными ластовицами и красными же полосками в несколько рядов вокруг подола и ворота. На ногах у него были, несмотря на тепло, пестрые, мехом отороченные, сапоги, такие, какие носят по зимам буряты. Длинные корявые руки висели ниже колен, а волосы и борода, седые до желтизны, в прозрачных отсветах леса казались зелеными. Был он до того дряхл и сгорблен, что, когда наклонялся к земле, почти опираясь на нее руками и бородой касаясь цветов, был похож на старый выкорчеванный пень, еще цепляющийся за почву корявыми перепутанными корнями.

Повинуясь какому-то неопределенному чувству, Веригин, вместо того чтобы выступить на опушку и показаться, тихо остановился между деревьями.

Лесной дед что-то делал: то как будто кланялся, то притоптывал, то вытягивал руки кверху и, кажется, что-то пел и приговаривал — нельзя было разобрать.

«Что за черт, что он там делает?» — подумал Веригин.

А дед, кажется, начинал уже танцевать. Он приплясывал, с трудом подгибая дрожащие колена и выкрикивая какие-то слова, в которых Веригину слышалось только:

— Шай! Шай! Шай!..

Голос его звучал глухо и жутко, дико отдаваясь за зеленой, залитой цветами поляне под

тающим в солнечном блеске голубым небом.

Веригин стал догадываться, что присутствует при каком-то неведомом религиозном обряде, и догадка его скоро подтвердилась: старик внезапно скрылся в землянке и сейчас же появился опять, с трудом вытащив оттуда какое-то тяжелое, безобразное деревянное чучело.

Это был грубо вытесанный, нелепо раскрашенный чурбан, и, когда старик поставил его у стены землянки, Веригин разобрал жуткое, едва намеченное, скуластое, узкоглазое, деревянное лицо, с какой-то неприятной, не то насмешливой, не то идиотской, улыбкой на деревянных губах, и руки и ноги, совершенно одинаково скрещенные.

Потом старик откуда-то достал маленький берестяной корец с медом. Он поставил его перед идолом, взял тонкую раскрашенную палочку, с пением и бормотанием обмакнул ее в мед и помазал по деревянным губам. Чурбан улыбался так же хитро и бессмысленно. Старик смешно воздел руки к небу и опять заплясал и закричал, как пьяный.

Веригину стало смешно. Он решительно выступил из своей засады и показался на поляне.

В ту же минуту произошло что-то странное, чего Веригин никак не ожидал: лесной дед мгновенно остановился, уронил свою палочку и с ужасом уставился на незнакомого человека. Невольно приостановился и Веригин, хотя и продолжал улыбаться. Некоторое время они неподвижно смотрели друг на друга, и видно было, как у старика дрожали колени. Потом он метнулся, как заяц, схватил свой чурбан, поволок его, не осилил от испуга, бросил и вдруг, шагнув в сторону Веригина, замахал руками и закричал:

— Уходи!.. Чего тебе?.. Уходи!.. Нельзя тут!.. Уходи!..

Он путал эти русские слова с какими-то непонятными Веригину звуками, среди которых опять послышалось ему «шау, шау», и еще какое-то «ширметь, ширметь»... Веригин в недоумении смотрел на старика.

— Уходи, уходи! — кричал дед, топая на него ногами и весь трясясь не то от ужаса, не то от злости. Борода у него прыгала, изо рта вылетала слюна, волосы на голове встали дыбом.

— Да чего ты?.. Дедушка, мне только... воды напиться... — пробормотал ошеломленный Веригин, невольно отступая и хватаясь за ружье.

Но дед, очевидно, осатанел до того, что даже не слышал ничего. Он как-то странно, обеими ногами сразу, прыгал на Веригина, махал руками, плевал и кричал только одно:

— Уходи! Шау, шау... ширметь! Уходи!..

Веригин наконец догадался, что попал в какое-то священное место, куда непосвященным входить нельзя, и что старик гонит его прочь с поляны. И сразу страх, вызванный стариком, пропал, и ему опять стало только смешно. Он нарочно угрожающе шагнул к старику навстречу.

Старик оторопел и на минуту замолк, с диким ужасом глядя на человека, который, по-видимому, совсем не боялся его страшных слов. Веригин подходил все ближе, с любопытством рассматривая идола. Старик поймал этот взгляд и всем телом своим метнулся загородить от чужих глаз своего деревянного Бога.

— Да чего ты боишься, дед? — дружелюбно сказал Веригин и шагнул еще ближе.

Тогда старику, должно быть, пришло в голову крайнее средство: он быстро схватил свой чурбан, с невероятной для такого дряхлого старика силой поднял его над головой и пошел прямо на Веригина, не переставая выкрикивать что-то угрожающее и предостерегающее.

Было ясно, что он твердо убежден в том, что Веригин испугается и если не падет ниц перед лицом Бога, то будет немедленно поражен и уничтожен чудесной силой. Старик, видимо, сам боялся возможных последствий своего поступка и дрожал всем телом.

Шальная, мальчишеская мысль пришла Веригину в голову: когда старик был уже шагах в десяти от него, он быстро приложился и выстрелил из ружья прямо в мертвое, деревянное, идиотски улыбающееся лицо идола.

Грохот выстрела оглушил его самого, и в дыму он не сразу разобрал, что случилось с идолом. Видел только, как что-то белое кубарем покатилося в траву.

Когда же дым разошелся, старик, как убитый, лежал ничком, а в трех шагах от него, лицом вверх, валялся на траве идол, бессмысленно улыбаясь в небо, словно притворяясь, что ему нет никакого дела до того, что случилось. Пуля сколола ему ухо и часть щеки, и белая щепка торчала в сторону.

Веригин подумал, что он убил старика. Что-то жутко дрогнуло у него в груди, и он уже хотел броситься на помощь, как вдруг старик зашевелился.

Он с трудом поднялся сначала на четвереньки, а потом и на ноги, весь измазанный зеленью, с трясущимися руками и головой, дико и жалобно оглядываясь кругом. Должно быть, он даже не понял, в чем дело, и думал, что это сам Бог поразил нечестивого молнией. Но, увидев в трех шагах от себя как ни в чем не бывало стоявшего Веригина, из опущенного дула ружья которого шел сизый дымок, старик остолбенел. Личико его исказилось выражением ужаса и отчаяния. Растерянно оглянувшись, он увидел своего идола и кинулся к нему.

Веригин увидел, как он старался поднять Бога и как отшатнулся, увидев разбитое, обезображенное его лицо. Несколько минут он оставался на коленях, растерянно водил руками по язве, сделанной пулей. Потом оглянулся на Веригина, ахнул, всплеснул руками, пополз на четвереньках, вскочил и бросился бежать по поляне.

— Дед, дед! — крикнул Веригин с чувством стыда. — Дед, стой!..

Но старик бежал как молодой, прыгая через цветы и размахивая руками, точно подбитая птица крыльями.

— Дед!

Белая развевающаяся рубаха мелькнула за деревьями, упала, вскочила и, подпрыгнув, скрылась в чаще.

Веригин, опустив ружье, с недоумением и смутным стыдом, долго смотрел вслед. Потом нерешительно подошел к идолу и толкнул его ногою. Идол качнулся и опять лег на спину. В его деревянном, тупом лице явно намечалась ехидная улыбка, а косые глаза смотрели вверх с выражением непроницаемым.

Веригин растерянно пожал плечами, посмотрел еще, оглянулся на опустелую поляну и, плюнув, пошел прочь.

«Фу, как глупо вышло!» — в досаде на свою легкомысленную выходку думал он, углубляясь в зеленую чащу.

Вечером, когда на кровавой полосе заката черным стал лес, Веригин сидел, вытянув усталые, сладко млеющие ноги на середину избы, и пил чай. Больной Шутов, сосланный по одному с ним делу, лежал на лавке и зябко кутался в пальто, хотя было жарко и душно. У него была чахотка, и по прозрачным глазам и по тому, как слабо лежали на обнажившемся лбу светлые плоские волосы, видно было, что жить ему осталось немного.

— Ужасно я рад, что ты пришел! — говорил он слабым, прерывающим голосом, неизменно, что бы он ни говорил, сохраняющим какое-то светлое, приподнятое выражение. — Я ведь все один да один!.. Товарищи заходят редко: лето, никому не охота сидеть с больным!.. Оно и понятно. А я тут все лежу, думаю да вспоминаю... Всю жизнь свою на досуге перебрал, ничего, кажется, не осталось!.. Сначала казалось ужасно много, а как стал припоминать, так как будто и нет ничего!.. Вчера целый день вспоминал, как меня нянька причащаться водила... Была на мне тогда розовая рубашка и лакированные сапожки, которыми я страшно гордился!.. Глупо и сентиментально, но, когда вот так приходит дело к концу, — ужасно даже, и такие мелочи кажутся милыми и трогательными... Нянька у меня была солдатка и все пророчила мне генеральский чин и невесту богатую... А я даже в генералы от революции не вышел, так рядовым и умру!.. И невесты как-то не было времени найти... Один раз даже и влюбился, но тут арест подоспел, так ничего из этого и не вышло!.. Да и в самом деле некогда было: я тут от скуки как-то подсчитал, так оказалось, что я ровно, день в день, четвертую часть жизни в тюрьме просидел!..

Шутов улыбнулся застенчиво и мягко, и было видно, что его утешает именно то, что он просидел в тюрьме четверть жизни. Было нечто наивное и милое в той маленькой гордости, с которой он говорил об этом.

Заря погасала, огненно-красный силуэт окна понемногу бледнел на стене, в комнате становилось темно, и лицо Шутова бледнело и таяло в сумраке.

— Ну а как ты себя все-таки чувствуешь теперь? — спросил Веригин, сам чувствуя, как неловко звучит этот праздный вопрос.

Шутов засмеялся.

— Как мне себя чувствовать?.. Чувствую, что умираю!

— Ну вот... глупости! — возразил Веригин с тем неприятным, фальшивым выражением, с каким очень здоровые люди утешают больных, относительно участи которых у них нет ни малейшего сомнения. — Еще поправишься!.. Климат тут такой, что не хуже Ялты... Еще посмотри, каким молодцом запрыгаешь!

Шутов выслушал его без интереса, очевидно, из деликатности, стараясь не показать, что отлично понимает смысл слов Веригина. Он, видимо, так привык к мысли о скорой смерти, что ему даже просто скучно было слушать все эти утешения.

— Нет, это уж тут! — слабо отмахнулся Он. — Да и что там — умирать так умирать!

Кто-то вошел в избу и стал возиться в темном углу. Видна была уже только одна черная высокая тень.

— Огонь зажечь, что ли? — спросил оттуда глухой голос.

— Пожалуйста, Федор Иваныч! В самом деле, что ж мы впотьмах сидим!

В маленькие оконца уже глядела только бледно-зеленая полоса, холодная, точно осенью.

Чиркнула спичка, звякнуло стекло в неловких, грубых пальцах, загорелся трепетный синий огонек.

— Вот, так-то лучше, чем в темки играть!

Лампа разгорелась медленно, и при свете ее Веригин рассмотрел непомерно высокого старика, в черной жилетке, с костяными пуговицами на белой рубашке навыпуск, с длинной седой бородой и седыми нависшими бровями, из-под которых зорко смотрели острые черные глазки. При виде его Веригин вспомнил того старика в лесу.

— А вы, Федор Иванович, чайку с нами не выпьете? — предложил Шутов.

— Ан выпью! — глухо, как сквозь подушку, ответил старик. — Из тех же будете? — пронзительно глядя из-под седых кустов, спросил он Веригина, принимая от него толстый стакан и наливая на блюдечко.

— Из тех самых!

— Тэк-с... — неодобрительно, как показалось Веригину, буркнул старик, дуя на блюдечко, которое держал высоко на растопыренных пальцах. Потом с хрустом откусил сахар, запил и, поставив пустое блюдечко на стол, сейчас же стал наливать, спокойно держа горячий стакан в заскорузлых пальцах.

Отпив стакан, пока Веригин наливал ему другой, старик сидел прямо и пытливо смотрел на гостя.

— Что вы на меня так смотрите? — спросил Веригин.

— Смотрю... Зря вы сделали, неладно, нехорошо! — сурово сказал старик.

— А что? — удивился Веригин.

— А то! — непонятно буркнул старик и взялся за блюдечко.

Веригин понял, что ему известна история в лесу, и слегка покраснел.

— А вы откуда знаете? — недружелюбно спросил он.

— Выходит, что знаю... Сорока на хвосте принесла! — загадочно ответил старик.

— Да вы о чем? — отозвался Шутов с любопытством.

Веригину не хотелось рассказывать, но он все-таки рассказал.

— Да вот... — сказал старик, когда Веригин замолчал, — и выходит, что поступили вы очень даже неладно. Я этого старика знаю: это тут в давние времена были какие-то поселенцы, из первых... Жизнь тогда тут была дикая, ну они и обурятились, свою веру забыли, стали идолу кланяться... Так и живут, как бы идолопоклонники, выходит. Однако, oprичь этого, дурного о них сказать нечего... Хорошо живут, правильно.

Старик говорил глухо — усы мешали, но веско и даже торжественно, как власть имеющий.

— Я их так понимаю, что смещение произошло: Христа-то они забыли, а обычай христианский соблюдают не в пример многим и из наших. Водки не пьют, никому худого не делают, воровства промеж них нет... нравственность имеют высокую и себя очень соблюдают. наших не чуждаются, нет, но только идола своего никому показывать не могут. Такой у них, значит, закон... А старичок тот у них замест главного шамана, что ли, считается. Очень правильный старичок. А теперь у них такое идет, что ну!.. И какие последствия тому могут быть, неизвестно. А только я вам скажу, что назад тем же путем вам теперь идти несподручно. Вы тут денька два поживите, а сын, старший мой, вернется, я ему прикажу, он

вас проводит.

— Фью! — самоуверенно присвистнул Веригин и посмотрел на свое ружье, стоявшее в углу. Ему было досадно, что старик как бы нотацию ему читает, и тем более досадно, что ему самому было стыдно своей мальчишеской выходки.

Старик покачал головой, но ничего не сказал и стал наливать на блюдечко.

Шутов с тревогой посмотрел на него.

— А ты знаешь, ты в самом деле не ходи, подожди! — волнуясь сказал он.

— Наплевать! — хвастливо возразил Веригин именно потому, что ему самому что-то стало жутко и стыдно было в этом признаться.

В избе было душно и темно. Лампочка давала мало свету; по стене от самоварного пара быстро проползали и исчезали под потолком дымные тени.

— Нехорошо! — проговорил старик как бы про себя.

— Ну что ж, — заговорил Веригин, озлившись на его осуждающий тон, — вы, верно, человек религиозный, следовательно, должны одобрять мой поступок: разрушил идолопоклонство!.. Святые отцы всегда так поступали!

Старик покосился на него, показывая, что понял насмешку.

— Вашему делу святые отцы не пример! — неодобрительно сказал он. — И не все правильно и святые делали.

— Что ж, по-вашему, не надо бороться с суевериями? Пусть себе идолам поклоняются, что ли? — насмешливо спросил Веригин.

Старик помолчал.

— Всяк человек своего идола имеет! — наставительно возразил он. — Не в том дело, чему человек поклоняется... Нам с вами чужую веру гнать не к лицу!.. Ты свою веру знай, барин, а чужой не касайся. Ты себя в добре держи и будешь тем самым Богу слуга. Не в храме, а в духе! — торжественно и непонятно возгласил старик, значительно подняв толстый, заскорузлый палец.

— Так то дух, а то деревянный чурбан! — не вдумываясь в слова старика, возразил Веригин.

— Чурбан!.. А ты во что веришь, барин? — уже явно неодобрительно вдруг спросил старик и зорко уставился на Веригина.

Веригин засмеялся.

— Я в человечество верю, старик!

— В человечество? — раздумчиво и как бы с недоверием переспросил Федор Иванович. — В человечество!.. Ну, ин по-твоему... И крепко веришь?

— Верно крепко, коли сюда попал!

— Во! А почем ты знаешь, что твоя вера — правая?

— Я думаю!

— А ты не думай, а говори, как понимаешь! Вот, скажем, и я, и Василий Васильевич, и старичок тот, и урядник наш, скажем, тоже — люди-человеки. Так ты и в нас веришь?

— Ну, почему — в вас?.. Я, старик, в идею человечества верю! улыбнулся снисходительно Веригин.

— Ась? — переспросил Федор Иванович и наклонил ухо, из которого торчали седые волосы.

— Ну, во всех вместе верю! — смеясь, пояснил Веригин.

— Нет, это ты пустое говоришь! — покачал головой старик. — В каждого человека верить ты не можешь, потому что человек смертен и в юдоли своей весьма даже ничтожен. Этак ты и в козу поверишь!.. А веришь ты, как и все мы, в правду да в добро... Ты в людях правде и добру кланяешься. И выходит, что человек тебе наместо чурбана служит.

— Как? — в свою очередь переспросил Веригин.

— Намедни к нам миссионер приезжал, — как бы не слушая, продолжал старик, наливая чай, — собрал народ, книги вывалил и пошел: не так крестимся да не так молимся, несправедливо, значит, живем и через то геенне огненной уготованы!.. А у самого рожа как самовар... Постник!.. Ты-то как крестишься, когда анафеме людей предаешь? — спрашиваю... Как ты Богу молитвы возносишь перед образами постников великих, ежели от тебя винищем разит?.. Осерчал, изругал да и уехал!.. Смеялись потом наши... А мне не смешно!.. Человек не Богу, а вере кланяется... Построил себе церкву, ей и служит, а в жизни у него Бога-то и нет!.. Руки да язык верят!.. К чему такая вера, хоть бы она самая расправильная? Ни к чему!.. А тот старичок, которого ты избидел и, может, веры решил, своему идолу нелицеприятно служил!.. Дай Бог тебе, чтобы ты так со своим человечеством жил, как он со своим чурбашкой!.. А ты зачем человеку зло сделал, коли в человека веришь?..

— А черт же его знал! — обозлился Веригин и в замешательстве стал закуривать, притворяясь, что все внимание его поглощено огоньком спички.

— Нет, не черт! — укоризненно возразил старик. — А ты-то знай, что у каждого свой чурбан есть, и никакая вера перед другой никакого преимущества не имеет... Бога никто же не видел нигде же!.. Ты Бога спрашивал, какая вера ему милее?.. Перед Ним все веры равны, а человеку та и лучше, от которой в нем зла меньше. Ты мимо своего чурбана на Бога смотри, как чурбан-то уже и не чурбан выйдет!.. Вот тебе и весь сказ, а ты над ним подумай. А я пойду... Покорнейше благодарим за угощение!

Старик перевернул стакан, положил огрызок сахара на донышко и встал.

— Большой вы философ! — смешливо сказал Веригин.

— Философ! — горько повторил старик и безнадежно покачал головой. Прощенья просим!

Он вышел, низко выгнувшись в дверях.

Веригин и Шутов долго молчали. Глухой голос, казалось, остался в комнате и давил на душу.

— Любопытный старик! — наконец сказал Веригин, собственно, потому, что не знал, что сказать.

— Он умный старик! — оживился Шутов. — Я с ним очень люблю беседовать... Есть в нем что-то крепкое!

— Да-а... — неохотно согласился Веригин, которому было досадно, что старик как будто бы отчитал его.

— А у нас все вразброд пошло! — помолчав, заметил Шутов, очевидно перескочив к этому от фразы о крепости старика. — Все переругались, перессорились, все программы перепутали... Проиграли дело, а теперь и торгуются, кто прав, кто виноват!.. Тяжело слушать!.. И что тут спорить. Все виноваты!.. Мала было готовности идти до конца... А в сущности, что ж: нельзя от всех требовать геройства!

— Ты-то достаточно, кажется, погеройствовал! — заметил Веригин, с невольной лаской посмотрев на жидкие больные волосы и ясные открытые глаза.

— Какое там геройство! — махнул рукою Шутов. — Что легкие отбили, так это случай!

— Хорош случай! — засмеялся Веригин, и глаза у него стали влажными. Шутов заволновался.

— Нет, в самом деле... — сказал он, видимо желая переменить тему, — все бы это ничего, а скверно то, что лежишь тут, как колода, когда там каждый человек на счету!

— Довольно с тебя!.. Ты и так много сделал!

— Что ж я сделал? Где оно?.. Если хочешь, я, конечно, знаю, что с меня, полумертвого, спрашивать больше нечего, но мне-то от этого не легче! Придут товарищи, начнут рассказывать, газеты читать... ужас что делается!.. Так бы и бросился туда!.. Нет, лежи и кашляй, смерти жди!..

— Ну что ты все о смерти! — неловко перебил Веригин.

— Поневоле будешь, если она за плечами!.. Ты не думай... — вдруг заторопился Шутов и даже покраснел от волнения, — и я смерти не боюсь... в самом деле не боюсь... и не ною!.. Я к ней отношусь, как к факту... Что значит — смерть?.. Когда-нибудь умирать же надо. Мне только жалко, что я не увижу, чем все это кончится!.. Так иногда подумаешь, что пройдет эта полоса, подыметесь новая волна, будет борьба... будет гибнуть и побеждать, а тебя уже не будет с ними... грустно!.. Не пришлось... А какое, должно быть, счастье видеть победу своей идеи!.. Эх, если бы хоть знать наверное, что мы победим!.. Слушай, скажи по совести, от души, веришь ты, что мы победим в конце концов? — с невероятным волнением спросил Шутов и даже приподнялся.

Веригин взглянул на светлые широко открытые глаза, в которых горел страстный, восторженный вопрос, и ему даже странно стало: три дня осталось человеку жить, а он говорит — мы победим!.. Что ему до того?

— Конечно, победим! — сказал он, невольно потупившись.

Шутов так и остался, приподнявшись на локте. Он смотрел не на Веригина, а куда-то выше, точно через голову товарища, он уже видел своими прозрачными от близкой смерти глазами какое-то победное шествие вдаль, какое-то лучезарное новое солнце.

Потом он сразу ослабел и лег. На лбу у него выступил пот, жалко слиплись жидкие белые волосы, глаза помутились.

Веригин сидел потупившись, глядя на свои сапоги. Почему-то он не мог смотреть на Шутова. Этот странный предсмертный восторг больно резал сердце.

Солнце еще не всходило, когда Веригин вышел на знакомую поляну, но верхушки деревьев были уже светлы и воздух прозрачен. Утренняя свежесть молодила, и ноги шагали так легко и охотно, точно им самим доставляло удовольствие нести тяжесть сильного, бодрого, молодого тела.

Внизу, под деревьями, зелень была еще бледная от росы и полянки казались покрытыми инеем. Трава была тяжела и мокра, и не успел Веригин войти в лес, как сапоги уже блестели, точно вымытые, и коленки брюк почернели.

От вчерашних разговоров осталось впечатление чего-то большого и тяжелого, и думать о них не хотелось в такое радостное, чистое утро. Под влиянием этой чистоты, света и легкости Веригин почти забыл и предостережение старого Федора Ивановича, хотя перед уходом и старик, и Шутов настойчиво уговаривали его не идти в одиночку. Остаться — значило признаться окончательно, что он наглупил и сам струсил. Веригин пошел назло и первое время был настороже, не выпуская ружья из рук и зорко вглядываясь в каждый куст. Но в лесу было пусто и тихо, ничего подозрительного не видно было нигде, и понемногу осторожность ослабела. Он совершенно успокоился, и, когда между деревьями мелькнул просвет поляны и показалась крыша знакомой землянки, Веригин уже не почувствовал ничего, кроме любопытства.

Прежде всего его поразили странная пустота и безмолвие поляны: цветы, понурив головки под тяжестью обильной росы, неподвижно стояли в траве и как будто спали; не летали пчелы, должно быть тоже еще спавшие в своих теплых ульях; пестрые лоскутья под крышей отсырели и висели, как мокрые тряпки; дверь в землянку была открыта и чернела жутко, как в могилу. Никого не было кругом.

Веригин, как давеча, постоял на опушке и подошел. Он невольно ожидал, что откуда-нибудь вынырнет белый дед и опять начнет кричать и плевать на него. Странно, он даже как будто был бы рад этому. Но пустота и безмолвие царили кругом, и бледные деревья одни стояли, понурившись на опушке.

— Дед! — крикнул Веригин, сам не зная зачем, повинуюсь какому-то жуткому сознанию одиночества.

— Де-ед!

Что-то трепыхнулось и защелкало у него над головой. Веригин быстро обернулся, схватившись за ружье. Но это была только проснувшаяся ворона. Она захлопала отсыревшими за ночь крыльями и неуклюже полетела вниз, вдоль опушки.

«Куда он девался?» — подумал Веригин.

Он подошел к землянке и осторожно заглянул внутрь. Сыростью и затхлостью погреба пахло оттуда. Веригин нарочно стукнул прикладом, но никто не отозвался. Только приглядевшись, он вдруг увидел во мраке какие-то две светящиеся точки, беспокойно двигавшиеся в самом темном углу. Веригин невольно сунул вперед дуло ружья. Светящиеся точки мигнули. Веригин отступил шага два, и что-то рыжее, пушистое шмыгнуло у него под ногами. Большая присадковатая лиса, распушив рыжий хвост, скачками пошла через поляну и в одно мгновение скрылась в кустах.

— Ах, чтоб тебя! — успел только вскрикнуть Веригин и вскинул ружье, но было уже поздно.

Ему пришло в голову, что лисица забралась сюда неспроста.

«Уж не умер ли он там?» — подумал Веригин, забывая, что лисица не идет на мертвечину.

— Дед! — опять громко позвал он.

Было тихо, и все светлее и светлее становилось кругом. Вершинки деревьев уже загорались розовым пламенем и то тут, то там робко звучали первые птичьи голоса.

Веригин, нагнувшись, вошел в землянку и, когда глаза его привыкли к темноте, рассмотрел на полу окровавленный пух и перья. Он понял, что землянка оставлена совсем.

— А, черт! — со смутным, неприятным чувством, по привычке, выругался Веригин и вышел на воздух.

Все еще держа ружье наготове, не веря этой тишине, он обошел землянку и попал в маленький, загороженный сухим хворостом, пчельник. Картина полного разрушения поразила его здесь: четыре грубо сколоченных улья валялись на боку, крышки с них далеко откатились в сторону, и на земле, вместе с вытекшими раздавленными сотами, — влипшие в них мертвые пчелы. Несколько живых, в полном оцепенении сидевших кругом на ветках загородки, казалось, в безмолвном отчаянии, равнодушные ко всему на свете, созерцали гибель своего дома. Две, три тяжело снялись с места и с грозным жужжанием попытались налететь на Веригина, но уже не было силы и сознания в их разрозненном гудении, и они скоро так же тупо уселись где попало.

Веригин, все еще не совсем понимавший смысла этого странного разрушения, вышел с пчельника, заглянул в пустую темную землянку и, махнув рукой, пошел прочь.

В маленькой низине, где еще с весны стояла неглубокая ржавая вода, окруженная топкой черной грязью, что-то бросилось ему в глаза. С тревожным толчком в сердце Веригин подошел к болотцу. Ему вдруг отчетливо и страшно представилось, что сейчас он увидит труп старика, не вынесшего крушения своей наивной и твердой веры, посрамленной чужой и холодной рукой.

Но это был только деревянный чурбан с расколотой выстрелом головой. Он, очевидно, был с силой брошен в болото, но, забрызганное черной грязью, все так же хитро и бессмысленно вместе улыбалось его деревянное узкоглазое лицо.

Веригин смотрел на него со странным и тяжелым чувством. Было стыдно, жаль, и что-то, больше жалости и стыда, еще неосознанное, шевелилось в душе.

Он, вероятно, долго простоял бы здесь, если бы какой-то звук не заставил его быстро обернуться... Странно, как во сне, мелькнул на самом краешке глаза силуэт лошади и всадника вдали между деревьями, но когда Веригин оглянулся, никого не было, и бледно-зеленый лес молча смотрел на него.

«Пуганая ворона куста боится!» — с досадой подумал Веригин, не допуская мысли, что можно так бесследно скрыться в одно мгновение.

Он тряхнул головою, вскинул ружье на плечо и бессознательно ускоренными шагами пошел своей дорогой.

V

Уже все деревья были облиты радостным золотистым светом, и роса блестела тысячами искрящихся бриллиантов, когда Веригин, задумчиво шедший по лесу, вдруг остановился.

Робкими и мелкими шажками, пробираясь по полянке, ковылял перед ним куцый серый зайчик. Его непомерно длинные уши были плотно прижаты к спине и нервно шевелились, куцый хвостик торчал на неловко приподнятом задке, и казалось, что он нарочно стал на четвереньки.

Было у Веригина невольное движение за ружьем, но что-то остановило его, и, притаив дыхание, неподвижно стоя, он смотрел, что будет делать забавный зверек.

Выбравшись на середину поляны, заяц сел и сторожко вытянулся, высоко подняв над головой длинные уши и прижав к беловатому животу короткие передние лапки. С минуту он чутко прислушивался, чуть заметно поворачивая уши из стороны в сторону. Веригину было видно, как часто-часто дрожит его нежный носик, приюхаясь к подозрительным запахам. Но Веригин стоял за ветром.

В лесу уже повсюду звенел и трещал птичий гомон. Листья и трава прозрачно золотились в свету. Небо было чисто и ясно-ни одного облачка!

Заяц шевельнулся. Он, должно быть, убедился, что никого нет кругом и никакая опасность ему не угрожает. На минутку он даже как-то осел, комфортабельно выставив животик и зажмурившись от удовольствия, потом вытянулся опять, поднял передние лапки и смешно замахал ими в воздухе, сложив, точно мусульманин на молитве. И вдруг, неожиданно сорвавшись с места, прыгнул, перекувырнулся, растянулся в траве и завертелся колесом.

Было так зелено, так светло, так радостно кругом. Заяц, как сумасшедший, прыгал, скакал, махал лапками, кувыркался через голову. Он, очевидно, ошалел от радости светлого утра и полной безопасности.

Веригин едва не расхохотался, глядя на его ужимки и прыжки. Бедный, безобидный, самый загнанный из всех, зверек был и смешон и жалок в своей наивной, кроткой радости, не подозревая, что смерть стоит тут же за деревом.

Вдруг он остановился, стал на задние лапки и замер, мгновенно превратившись в олицетворенный испуг. Уши торчком, глаза настороже и часто-часто дрожащий носик... Но, очевидно не услышав ничего подозрительного, он опустил лапки на животик, опустил и одно ухо и, прищурившись, замер в блаженном созерцании зеленого леса, голубого неба и светлого солнца.

Гулкий выстрел прокатился по лесу. Веригину показалось, что кто-то крепко ударил его палкой по затылку. И, уже не видя, как отчаянным скачком бросился в кусты заяц, он подскочил, взмахнул руками и грузно упал в траву ничком.

Некоторое время было тихо. Солнце светило прямо в затылок Веригину, и на примятой траве было что-то серое и красное.

В кустах зашевелилось и показалось странное узкоглазое, как будто деревянное, лицо без всякого выражения. Осторожно, по-кошачьи ступая, к неподвижно лежащему Веригину подошел желтолицый бурят. В руках у него еще дымилась длинная старая винтовка. Он как будто равнодушно посмотрел на Веригина, толкнул труп ногой и стал спокойно заряжать свою винтовку.

Потом огляделся кругом, поднял ружье убитого, отошел в кусты и, выведя оттуда низкорослую косматую лошаденку, ловко поднялся на седло и тихо, пробираясь, как волк, поехал прочь по лесу.